

РАЗДЕЛ II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ДИАЛОГ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

И. С. Юхнова (Нижний Новгород)

Русский мир в произведениях М. Ю. Лермонтова (к постановке проблемы)*

Заявленная тема на первый взгляд кажется парадоксальной, ведь Лермонтов не оставил нам развернутых рассуждений о русском национальном характере, устройстве русского общества, не делал прямых прогнозов о будущем русского мира. Он вообще не создал сколь-нибудь завершенной философской или историософской концепции. И все-таки данная тема может стать предметом разговора именно в связи с творчеством М. Ю. Лермонтова, потому что в его лирике, прозаических произведениях, многочисленных набросках и планах отчетливо вырисовывается его понимание русского характера, исторического пути России, прогнозы о динамике глобальных цивилизационных процессов. Но главное – именно Лермонтов обозначил эмблематические зрительные образы, с которыми в нашем сознании прочно ассоциируется образ России (волнующаяся желтая нива, чета белеющих берез, дымок спаленной жнивы), а также нашел словесные формулы, связанные с образом родной страны и жизнеощущением русского человека («Бородино», «Песня про купца Калашникова»).

Причем представления о воззрениях Лермонтова составляют именно на основе его художественных произведений, а не прямых высказываний, тем более что до нас дошли крайне скудные свидетельства современников по этому поводу. Тем не менее, известно, что в 1840 г. в Москве Лермонтов часто встречался с Самариным и Хомяковым и говорили они в том числе о судьбе России. Считается, что отголоски этих споров

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 15-04-00498 «Концептуальные основы современного лермонтоведения».

слышны в стихотворении «Родина» (которое было первоначально опубликовано под названием «Отчизна»).

В Москве Лермонтов задержался по пути на Кавказ, куда был сослан за дуэль с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом, и причины дуэли – в высказываниях француза, затрагивающих честь русских как нации.

О том, что Лермонтов шел к созданию некоей целостной концепции исторического пути России, ее роли в мировой истории, свидетельствует и тот факт, что поэт вынашивал замысел романной трилогии, материалом для которой должны были стать три эпохи жизни русского общества: эпоха Екатерины II, время правления Александра I и – настоящее время. Этот замысел, вероятно, был навеян чтением романов Фенимора Купера, вот только масштаб обобщений заявлялся совершенно иной. Как уже не раз было замечено (см.: [4]), он предвосхищал толстовскую «Войну и мир», так как все три романа должны были быть связаны между собой и тем самым составить смысловое единство. Предполагают, что замысел первого романа, из века Екатерины II, был связан с восстанием Пугачева и, таким образом, восходил к первой прозаической пробе Лермонтова – роману «Вадим». Второй роман должен был быть написан на материале «времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене». Третий роман – «из Кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране» [4, с. 15–16].

В этом замысле важны не только хронология и предмет изображения – русский мир в его кризисные, предельные моменты («смертельный бой двух наций», «диктатура и кровавое усмирение Кавказа», «катастрофа, среди которой погиб Грибоедов»), но и география: «сердце России», Париж, Вена, Кавказ, Тифлис, Тегеран. Как видим, Лермонтов воспринимает историю страны в контексте всемирной истории, события в «сердце России» у него связаны с происходящим в европейских и восточных столицах, имеют общие с ними причины и следствия, а все политические процессы, в восприятии поэта, носят не локальный, а глобальный характер.

Что повлияло на формирование такого чувства истории?

Безусловно, происхождение Лермонтова. Главным образом, отцовская линия: известно, что предок поэта оказался в России в эпоху Смутного времени, когда решалась судьба страны. И его потомок грезит о «родной» Шотландии, но осознает себя поэтом «с русской душой».

Конечно, повлияли путешествия по стране. Еще в детстве, когда бабушка возила Лермонтова в Пятигорск на воды, он видел и географические просторы, и то, как конфликтно Россия прирастает новыми территориями. Понятно, что в то время он не осознает этого в полной мере, но первые впечатления: природное разнообразие и рассказы тетушки Хастатовой о беспокойных соседях – безусловно, запали в душу ребенка. Позже на Лермонтова яркое впечатление своей исторической глубиной произведет Великий Новгород.

Конечно же, повлиял и характер получаемого образования. В Московском университете, где поэт учился сначала на нравственно-политическом, а год спустя на словесном отделении, он слушал лекции профессоров М. Т. Каченовского и М. П. Погодина, которые «страстно спорили между собой, привлекая внимание студентов» [1, с. 267].

В школе гвардейских подпрапорщиков среди прочих читались курсы по истории, государствоведению. Сохранились некоторые тетради с конспектами лекций Лермонтова. Особую ценность для нас в свете данной темы представляет «Лекция из военного слова (по теории словесности)» В. Т. Плаксина. Она интересна тем, что в ней излагаются теоретические сведения о таких видах прозаических произведений, как «описание и историческая проза», которые затем будут воплощены Лермонтовым в ученическом сочинении. Оно до нас дошло. Это «Панорама Москвы». На рукописи есть пометы, сделанные рукой В. Т. Плаксина.

Как отмечает Б. М. Эйхенбаум, уже это ученическое сочинение включается в те дискуссии, которые активно велись в то время, – в нем слышны отголоски споров о Петербурге и Москве. Он пишет: «Слова “Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее своя душа, своя жизнь” звучат как прямое возражение против официозной точки зрения» [6, с. 660–661], – и сравнивает их с рассуждением дипломата в романе «Княгиня Лиговская» (1836): «Всякий русский должен любить Петербург... Москва только великолепный памятник, пышная и безмолвная гробница минувшего, здесь <в Петербурге> жизнь, здесь наши надежды...». Заметим, что в романе это мнение дипломата, стриженного а-ля рюс, но по-русски говорящего хуже любого француза и дальше Ревеля никуда не выезжавшего. Подобная приверженность Петербургу как раз и исключает его из национальной традиции, а все формы проявления национального у него оказываются подчеркнуто внешними. Характерно, что любовь к Москве как маркер «русскости» будет повторена Лермонтовым в более позднем произведении – «нравственной поэме» «Сашка». Это знаменитый фрагмент:

«Москва, Москва! . . . люблю тебя как сын, / Как русский, – сильно, пламенно и нежно!..»

Но главное, что влияет на лермонтовское понимание истории и места России в ней, – это его участие в военной кампании на Кавказе. Именно там формируется то восприятие войны, которое он воплотил в «Валерике», «Герое нашего времени» и особенно в очерке «Кавказец». Война в нем предстает не только как сражения, победы и поражения, смерть, гибель и кровь, но и как мощное взаимодействие разных культур, как сложный взаимонаправленный процесс. До Лермонтова война всегда изображалась как конфликт, жестокое противостояние, в котором есть победитель и побежденный. Участь побежденного – либо уничтожение, либо покорение. Однако Лермонтов увидел иные процессы: завоеывая территорию, более сильный противник не столько меняет уклад жизни поработанных народов, сколько меняется сам, а военный конфликт постепенно приобретает черты межкультурного диалога.

Лермонтов показал, что на войне формируется особый тип личности – его он и называет «кавказцем». Впервые у Лермонтова формируется новое понимание границы, к которому философы, культурологи и литературоведы пришли только в XX в. Через образ кавказца Лермонтов показал то свойство пограничья, которое состоит в «способности соединять различное, создавать условия для диалога» [7, с. 1127]. Именно в условиях войны проявляется то свойство русского человека, которое можно определить как «культурная общительность русского ума» [2, с. 11].

В «Герое нашего времени» пунктиром проходят разного рода наблюдения, замечания о характере и привычках русского человека. Большею частью они сосредоточены в «Бэле». И это не случайно. Повествование ведется от лица рассказчика – странствующего офицера, который осваивает новую для себя реальность, а потому в его записках момент сопоставления чужого со своим оказывается важным для понимания инонационального мира. Если принять во внимание, что он ведет записки, предназначенные к публикации, то становится очевидно, что он учитывает еще и кругозор своего возможного читателя – а это русский читатель. Именно поэтому на чужую природу, чужой уклад жизни рассказчик смотрит глазами русского человека, подбирает аналогии согласно своей национальной традиции. Так, например, он соотносит устройство сакли с русским жилищем: «Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую)» [3, т. 4, с. 281]. Так же описывает природные состояния: либо через образы из русского фольклора: «...ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей-Разбойник» [Там же, с. 308], либо

через типичные, узнаваемые картины: «Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие *милые* (курсив наш. – *И. Ю.*) места нашего отечества» [Там же, с. 307].

Но главное – он передает чувства, которые испытывает человек, оказавшийся на чужбине, воссоздает его восприятие окружающего мира, когда взгляд стремится зафиксировать что-то близкое и знакомое, а ухо уловить родной (или похожий на него) звук: «По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фыркание усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика» [Там же, с. 280]. В этом фрагменте характерно само сочетание того, какими красками описывается чужое пространство (оно безжизненно, мертво) и той эмоции, которую вызывает привычный, родной звук – фыркание лошадей и звон русского колокольчика. Заметим, что, по сути, в этом фрагменте воссоздается фольклорный образ чужой земли, но уже осененной русским присутствием. Возникает сочетание смерти и жизни, когда в мертвом вдруг прорастает «живое», и это «живое» – приметы русского пейзажа, звуковые образы русского мира. По сути, перед нами емкий образ процесса колонизации как такового: частью России присоединенная земля становится не тогда, когда ее победили военной мощью, а тогда, когда в ней звук русского колокольчика и русская речь становятся привычными. В этом фрагменте чужое подается сквозь призму национальной концепто с ф е р ы . Таково же и описание метели: «Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только ее дикие напевы были печальнее, заунывнее. “И ты, изгнанница, – думал я, – плачешь о своих широких раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки”» [Там же, с. 309].

И на этом фоне естественным становится сопоставление форм поведения представителей разных народов. Такой прием сопоставления в «Герое нашего времени» не является оценочным, Лермонтов не столько сравнивает, сколько отмечает различие ментальностей, жизнеотношений: «...направо был утес, налево пропасть такая, что целая деревушка осетин, живущих на дне ей, казалась гнездом ласточки; я содрогнулся, подумав, что часто здесь, в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разъехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа. Один из наших извозчиков был русский ярославский мужик, другой осетин: осетин вел коренную

под уздцы со всеми возможными предосторожностями, отпрягши заранее уносных, – а наш беспечный русак даже не слез с облучка! Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя бы моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвечал мне: “И, барин! Бог даст, не хуже их доедем: ведь нам не впервые”, – и он был прав: мы точно могли бы не доехать, однако ж все-таки доехали, и если б все люди побольше рассуждали, то убедились бы, что жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться» [Там же, с. 307].

В словах извозчика и комментарии повествователя заключен весь комплекс вопросов, ответы на которые мучительно ищут герои романа (Печорин, Вулич). Это и идея фатализма, но только в ее народном варианте. Позже она получит свое выражение в знаменитой реплике Максима Максимыча: «Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...» и тем самым начнет восприниматься как присущее русскому национальному сознанию понимание судьбы. Это и мысль «жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться», лейтмотивом проходящая через «Журнал Печорина», многое объясняющая не только в современном человеке, но и в русском национальном характере.

Примечательно, что сам рассказчик продемонстрирует то качество русского человека, которое определяется как «культурная общительность русского ума». Ведь его размышление по поводу реплики возницы («и точно, он был прав...») – не что иное, как способность принять чужую позицию, точку зрения. В романе это свойство русского человека не только проявляется в бытовом общении, но и осознается как одна из фундаментальных национальных черт. Напомним этот фрагмент: «Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает неимоверную гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения» [Там же, с. 303]. Так через образы двух возниц соотносятся формы поведения представителей разных наций, их жизнеотношения.

И такой прием сопоставления разных мироощущений, жизненных укладов, национальных традиций в произведениях Лермонтова становится устойчивым. Так, в незаконченном романе «Княгиня Лиговская» соотносятся два типа дворянских усадеб – русская и польская, а усадьба, как известно, – значимый культурный локус, так как она становится тем микромиром, по которому можно составить представление об общем порядке вещей. И русская усадьба у Лермонтова – не идиллическое,

а внутренне конфликтное пространство, в котором бушуют человеческие страсти. Характерно, что в юношеской драме «*Menschen und Leidenschaften*» («Люди и страсти»), действие которой проходит в имении бабушки Юрия Волина, через введение двух библейских отсылок актуализируется тема распятия. Родной дом становится для героя его Голгофой, а обрекают его на этот путь два родных и близких человека – бабушка и отец.

Итак, если подытожить, как воспринимает и изображает русский мир М. Ю. Лермонтов, через какие реалии его репрезентирует, то складывается следующая картина. С одной стороны, они вполне традиционны: образ русского мира складывается из картин русской природы, деталей быта, типичных, характерных локусов, а также особого жизнеощущения героев. Намечает Лермонтов и историческую перспективу: у него появляются отсылки к фольклорным образам, некоторым событиям прошлого России, которые являются эмблематичными для русского культурного сознания. Однако история для Лермонтова – не декорации, не «темной старины заветные предания» (некий общеизвестный легендарный свод), а характер национального поведения в условиях кризисного противостояния (или другому народу, или внутри самой нации). И в этом отношении особый интерес вызывает следующая запись строки Лермонтова: «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем».

Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна – и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать...

Такова Россия» [Там же, с. 525].

Что для Лермонтова составляет суть русского национального характера? Его способность к поступку, действию, сопротивлению, а потому он и акцентирует момент внутреннего преображения, «пробуждения от тяжелого сна», духовного обморока. Исторический путь России осознается через идею богатейства и активного действия, связанного с преодолением, победами и преобразованием мира. Но это, как следует из записи, в будущем, в исторической перспективе. Лермонтовскую оценку настоящего донес до нас Ю. Ф. Самарин: «Его мнение о современном состоянии России: <Хуже всего не то, что некоторые люди терпеливо страдают, а то, что огромное большинство страдает, не сознавая этого>¹» [5, с. 297]. Такое сочетание потенциально возможного героизма

¹ Оригинал этого фрагмента написан по-французски.

и терпеливого страдания и есть суть русского национального характера, который проявляет себя только в кризисных, предельных ситуациях, обретая «покой» в «бурях».

Список литературы

1. Белов А. В. Московский университет // М. Ю. Лермонтов : энцикл. слов. / гл. ред. и сост. И. А. Киселева. М. : Индрик, 2014. С. 267.
2. Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Н. Новгород : Изд-во «Нижний Новгород», 1994. 464 с.
3. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959.
4. Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. СПб. : Акад. проект, 1996. С. 193–369.
5. Самарин Ю. Ф. Из дневника // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1972. С. 296–300.
6. Эйхенбаум Б. М. Примечания. Панорама Москвы // Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 660–662.
7. Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1, ч. 1. С. 1127.

И. А. Усанова (Калашникова) (Сургут)

Взаимоотношения России и Европы в творческой оценке Ф. И. Тютчева и И. С. Тургенева

Самоопределение России, национальная самоидентификация ее народа невозможны в изоляции, безотносительно других стран и, в первую очередь, государств Европы. Спор по поводу положения России в европейском мире, взаимоотношений Восточного и Западного начал в структуре общеевропейского исторического и геополитического пространства стал одной из важнейших страниц творческого диалога Ф. И. Тютчева и И. С. Тургенева, включенных в важнейшую для эпохи общекультурную полемику западников и славянофилов.